Давид Рикардо, как человек и мыслитель.

Статья первая.

„В 1818 г. один из моих эдинбургских друзей прислал мне книгу Рикардо. Мое пророческое предчувствие оправдалось. Реформатор в области политической экономии, которого я ждал, наконец явился. И едва только успел я окончить первую главу, как я сказал: Ты именно тот, которого я ищу. И чем больше читал я эту книгу, тем больше возбуждала она во мне удивления... Неужели этот глубокий труд был написан в разгар шумной сутолоки XIX столетия? Возможно ли, чтобы англичанин—не скрывающийся от света в каком-нибудь академическом святилище, а поглощенный коммерческими и политическими делами—совершил то, чего не могли сделать все европейские университеты, чего столетие мысли не успело подвинуть вперед ни на одну иоту? Его предшественники были сбиты и подавлены колоссальным бременем фактов, мелочей и исключений. А Рикардо a priori из своего разума, вывел путем дедукции законы, которые впервые бросили сноп света в темную груду материала, и превратил, таким образом, собрание попыток и опытов мысли в науку правильных соотношений, опирающихся на вечный базис".

Так передает свои впечатления Де-Квинси, после—самый блестящий популяризатор Рикардо и один из наиболее талантливых его учеников. Не менее сильное впечатление произвели „Начала политической экономии" и на других современников Рикардо, так же, как и Де-Квинси, ждавших, когда же, наконец, появится в области политической экономии новый „апостол науки".

Биржевой делец, самоучка, не получивший ни классического, ни общего образования, едва справлявшийся с трудностями литературного изложения, сразу делается крупнейшим авторитетом в области политической экономии. „Действительным основателем абстрактной политической экономии,—пишет Беджгот,—является Рикардо. А между тем на первый взгляд вряд ли кто-нибудь был менее способен для этой роли". И английский экономист—сам бывший банкир—объясняет эту загадку тем, что „отрасль деятельности, на которую затратил свою жизнь Рикардо и в которой он сделал такие большие успехи, представляет самую абстрактную из всех отраслей промышленности" [1]). „Игра на бирже,—повторяет за ним русский экономист Туган-Баранов-

---

[1]) Bagehot, W., Economic Studies. London 1880, c. 151.

ский,—есть самая абстрактная хозяйственная деятельность, какую только можно себе представить" [1]).

Английский экономист находит еще другое объяснение—расовое. Рикардо был евреем. „Сочинения Рикардо представляют unicum во всей известной мне литературе, как документальное свидетельство тех особенных способностей, благодаря которым евреи в течение столетий богатели". Лесли Стефен, известный историк английской мысли XVIII столетия и английского утилитаризма, соглашается с этим. „Рикардо, как совершенно верно замечают его критики, был еврей и биржевик. А евреи, несмотря на все уверения Шейлока, и в особенности евреи-биржевики, лишены человеческих чувств. Если вы их режете, они истекают только банковыми билетами. Они приспособлены к тому, чтобы быть капиталистами, которые смотрят на заработную плату, как на одну из цифр в общем балансе, а на рабочих, как на одно из орудий, употребляемых в производстве. Но—прибавляет он—Рикардо был не только денежный делец и еще меньше ходячий трактат".

Представители немецкой этико-национально-исторической школы, придавленные грудой „фактов, мелочей и исключений" и совершенно неспособные к абстрактному мышлению, точно искали утешения в сознании, что самые крупные представители абстрактно-дедуктивного метода в политической экономии—евреи. Они с особенным удовольствием повторяли это расовое объяснение и находили в нем разгадку, как выражается Гельд, „цинического материализ[illegible] циническими представлениями о государстве и обществе". Более близкое знакомство с жизнью и личностью Рикардо покажет нам, сколько самодовольного невежества скрывается за этими quasi-научными объяснениями.

I.

Коренные изменения в путях всемирной торговли, уничтожившие торговое преобладание Северной Италии, временно выдвинувшие на первый план атлантическое побережье Пиренейского полуострова (главным образом, Португалию), а затем перенесшие центр тяжести всемирной торговли в Нидерланды, гнали капиталы и наиболее предприимчивые элементы населения, в том числе и евреев, из Италии в Португалию, из Португалии в Нидерланды. Евреев гнала еще и политическая необходимость. Вместе с упадком торговли и культуры усиливалась религиозная нетерпимость, становились все сильнее всяческие преследования. Спасаясь от инквизиции, итальянские и португальские евреи целыми семьями—Лопесы, Мендоза, Дакоста, Спиноза, Рикардо,—переселяются в Амстердам, убежище свободной мысли, религиозных и политических эмигрантов. А когда, в конце XVII и в начале VXIII столетий Голландия теряет свое торговое и промышленное преобладание, когда она все больше превращается в банкира, ссужающего капиталами новую восходящую звезду на всемирном рынке, когда Англия все больше приобретает славу самой свободной и терпимой страны, „вечные странники" снимаются с насиженных мест и эмигрируют в Лондон.

[1]) Туган-Барановский. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. Спб. 1905, стр. 69. Булгаков, несмотря на свой идеализм, выражает эту мысль еще более материалистически: „свою привычку к отвлеченности и математическое воображение" Рикардо „выработал в своей банкирской деятельности". „История экон. учен.", Москва 1918, стр. 126.

В 1753 году Палата Общин приняла билль о натурализации евреев и, хотя под давлением „черни" он был формально отменен в следующем году, евреи фактически пользовались почти всеми гражданскими правами. Во второй половине XVIII столетия мы находим в Лондоне еврейскую общину, состоящую преимущественно из сефардим, т.-е. португальских и итальянских евреев, которые, по своему культурному уровню, стояли несравненно выше своих германских соотечественников, так наз. ашкиназим.

Среди членов этой общины мы встречаем, между прочим, имена Лопесов, Мендоза, Дакоста, Дизраэли, Агвиларов, Монтефиоре, Рикардо и др. Сохраняя почти всегда религию своих предков, они в культурном отношении быстро ассимилируются с англичанами и очень скоро начинают принимать активное участие не только в области выколачивания деньги, но и в области литературы и науки[1]). Так как христианские биржевики очень ревниво охраняли свои привилегии, то, еще в конце XVIII столетия, число биржевых маклеров из евреев не могло быть свыше двенадцати. Одним из них был отец будущего экономиста, Авраам Рикардо, переселившийся из Амстердама в Англию около 1760 г. и очень быстро занявший видное положение в лондонской еврейской общине.

Третий сын почтенного Авраама, Давид Рикардо, родился 19 апреля 1772 г. в Лондоне. Когда ему исполнилось 12 лет, отец отправил его к дяде в Амстердам, где Рикардо пробыл два года, занимаясь в торговой школе. По возвращении оттуда, он начал помогать отцу в его биржевых и торговых операциях. Так он приобрел ту изумительную быстроту и уменье в обращении с цифрами, которые поражали всех знавших его. Будучи еще шестнадцатилетним мальчиком, он сам отвозит своих младших братьев в Голландию. Эти частые поездки дали ему возможность хорошо познакомиться с амстердамской биржей, игравшей в XVIII столетии такую же роль, какую лондонская биржа играла в XIX столетии. Там уже давно научились „менять" деньги на деньги и получать процент на свой денежный капитал, не прибегая к непосредственному процессу выжимания сверхстоимости. Философские спекуляции Спинозы уступили место биржевым спекуляциям, и к концу XVIII столетия амстердамская биржа уже имела своих Пиндаров, как называет Маркс одного из первых теоретиков биржевой спекуляции, Пинто.

Несмотря на свою строгую ортодоксальность, отец Рикардо не был врагом „христианской" цивилизации. Брат великого экономиста, Ральф, тоже не был чужд литературе, а сестра его, Сара, писала по педагогическим вопросам и была автором популярных руководств по математике. А дядя Рикардо, с которым он часто встречался в Амстердаме, Дакоста, был в свое время известным поэтом и литератором.

Совсем молодым человеком Давид разошелся с отцом, но не надолго. Временная размолвка была вызвана самовольной женитьбой

---

[1]) И не только в этих областях. Даниэль Мендоза, современник Рикардо, был первым боксером в Англии в конце XVIII века. Он был не только практиком по части вышибания зубов и расшибания носов, но и крупным теоретиком, оставившим классическое руководство по „теории бокса". То же „документальное свидетельство" тех „особенных способностей", которыми отличались евреи и в области „конкретной" деятельности. Историки евреев в Англии отмечают, что Мендоза, совершивший победоносное путешествие по всей стране, сильно поднял престиж евреев среди „просвещенных мореплавателей".

Рикардо [1]). Он полюбил христианку Присциллу-Анну Вилькинсон, дочь Эдуарда Вилькинсона, и женился на ней (20 декабря 1793 г.). Ему пришлось для этого принять христианство и он вынужден был оставить родительский дом. Таким образом, он уже очень рано был предоставлен собственным силам. Но его неутомимая энергия и выдающиеся способности, в соединении с поддержкой, которую ему оказали многие члены лондонской биржи—вероятно и брат, с которым его до смерти связывала самая тесная дружба—помогли ему в сравнительно короткий срок не только стать в материальном отношении совершенно независимым, но и приобрести большое состояние, которое молва оценивала в 40 миллионов франков. „Богат, как Рикардо", пишет в одном из своих писем французский экономист Сэй.

„Искусство обогащения,—писал брат Рикардо в посвященном ему некрологе,—не пользуется у нас большим уважением. А между тем Рикардо ни в одной области не проявил своих дарований в такой высокой степени, как именно в денежных делах. Уменье разбираться во всяких затруднениях, поразительная быстрота во всяких цифровых исчислениях, хладнокровие и изумительная проницательность, наконец, очень благоприятное совпадение внешних условий, среди которых ему пришлось действовать—все это, вместе взятое, дало ему возможность обогнать своих сверстников и, в короткое время, достигнуть такого богатства и известности, которые редко кому достаются на долю".

Действительно, условия были очень благоприятны. Анти-якобинская война, начатая против якобинцев, закончившаяся только с окончательным уничтожением владычества Наполеона (1793—1815), играет решающую роль в истории фондовой спекуляции. В течение этого периода, биржа впервые стала ареной, на которой предприимчивые люди сплошь и рядом составляли себе миллионные состояния.

Основанная в той форме, в какой ее нашел Рикардо, почти в самый год его рождения, лондонская фондовая биржа была уже в конце XVIII столетия свидетельницей самой бесшабашной спекуляции. „Крик совы, вой свирепых волков, лай дворового пса, хрюканье свиньи, ночные серенады кошек, шипенье змеи, рев осла, кваканье лягушек и треск кузнечика—все это, соединенное в общий хор, не было бы более отвратительно, чем шум, который производят эти существа на бирже". Так живописует современник то учреждение, где, по словам Туган-Барановского, Рикардо „и усвоил свой метод".

Старые приемы, основанные на принципе „не обманешь—не продашь", голый, ничем не прикрашенный, ни фиговым листком „условной морали", ни законами элементарной чести, грабеж, отличавшие „авантюристов-купцов" XVII—XVIII столетий, были перенесены в новую сферу деятельности денежного капитала.

Но эти подвиги уже вызывали протест со стороны главных руководителей биржи, старавшихся провести резкую демаркационную линию между „честными" и „бесчестными" биржевыми операциями. В такую эпоху, как это показывает и пример первых Ротшильдов, элементарная честность и добросовестность в коммерческих делах превращалась в очень прибыльную добродетель, особенно на бирже, где возможность

---

[1]) Портер, известный английский экономист и организатор английской официальной статистики, автор „Progress of the Nation", сообщает в своей биографии Рикардо, напечатанной в „Penny Cyclopaedia", что примирение произошло очень скоро. Портер был женат на сестре Рикардо, Саре.

внезапного и скорого обогащения встречается чаще, чем в других сфе-
ия капитала.

Когда 18 мая 1801 года был заложен первый камень нового здания лондонской биржи, на нем сделана была надпись, гласившая, что к этому дню государственный долг возрос до 552.730.924 фунтов стерлингов. Лондонские биржевики, таким образом, символически указывали на то значение государственного долга, которое он играет, как краеугольный камень всей капиталистической финансовой системы. Предоставляем слово Марксу.

„Государственный долг, т.-е. отчуждение государства—все равно деспотического, конституционного или республиканского,—накладывает свою печать на капиталистическую эру. Единственная часть так называемого национального богатства, которая действительно находится в общем владении современных народов, это—их государственные долги. Государственный кредит становится символом веры капитала. И с возникновением государственной задолженности смертным грехом, за который нет прощения, становится уже не хула на духа святого, а нарушение доверия к государственному долгу. Он делается одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. Словно прикосновением волшебного жезла он одаряет непроизводительные деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал, устраняя всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с чисто-ростовщическими операциями. Государственные кредиторы в действительности не дают ничего, так как ссуженные ими суммы превращаются в государственные долговые свидетельства, легко обращающиеся, функционирующие в их руках совершенно так же, как и наличные деньги. Но роль государственных долгов не ограничивается созданием класса таких праздных рантье и импровизированным обогащением финансистов, выступающих посредниками между правительством и нацией, а также откупщиков налогов, купцов и частных фабрикантов, в руки которых, как капитал, свалившийся с неба, попадает добрая доля всякого государственного займа. Государственные займы создали, кроме того, акционерные общества, торговлю всякого раза ценными бумагами, отчаянную спекуляцию, ажиотаж,—одним словом, биржевую игру и современную банкократию (господство банков)".

Английский государственный долг очень скоро превзошел сумму, увековеченную на краеугольном камне лондонской биржи. В 1810 году он составлял уже 734.787.786 фунт. стерлингов, а в 1816, после окончательной ликвидации наполеоновской империи, он достиг колоссальной цифры в 1.003.768.694 фун. стерлингов, т.-е. был в восемь раз меньше той суммы, которой он достиг через сто лет после окончания последней всемирной войны. Если принять во внимание степень развития капитализма вообще и в Англии в частности сто лет назад и теперь, то тогдашний английский государственный долг представлял относительно вряд ли меньшую сумму, чем современный.

Курсы государственных фондов то повышались, то понижались с головокружительной быстротой. Нужны были громадные способности, уменье разбираться во всех деталях экономической конъюнктуры, близкое знакомство с политической жизнью своего времени, необходимо было поддерживать тесные связи с парламентскими деятелями, чтобы не теряться в этом хаосе быстро сменявшихся событий, чтобы не стать жертвой какого-нибудь непредвиденного краха.

Рикардо обладал всеми этими качествами. Честность и порядоч-

ность его стояли вне всяких сомнений. Известно, что он отказывался принимать какое-либо участие в биржевых операциях, которые, по его мнению, могли принести ущерб государству, т.-е. выходили за пределы нормальной биржевой этики и представляли явный грабеж общественных средств. Он был гениальный спекулянт, быстро и решительно умевший использовать беспрерывные колебания фондов, чтобы, играя то на повышение, то на понижение и не боясь убытков, пускать в оборот всю полученную прибыль. До появления на лондонской бирже Натана Ротшильда он почти не имел соперников в области биржевой спекуляции. Ему приписывается известная „спекулятивная" формула, один из канонов биржи: Cut your losses and let your profits run („сбрасывай со счетов убытки и помещай в дело свою прибыль").

II.

Но эта кипучая деятельность биржевого дельца не долго поглощала Рикардо целиком. Уже к 25 годам, когда он составил себе независимое состояние, его перестает удовлетворять одна биржа. Его потянуло к науке. „До того времени,—говорит его сестра, Сара Портер,— всякие научные занятия казались ему тягостью, он питал к ним отвращение. Он жил в атмосфере деловой агитации, в шуме спекуляций, я не помню, чтобы, за исключением нескольких опытов по электричеству, которые он мне показывал с гордостью любителя, он интересовался какой-нибудь наукой".

С таким же увлечением, с каким Рикардо занимался биржевыми спекуляциями, он бросается теперь на научные занятия. Сначала он увлекался математикой и в особенности геометрией. Потом он отдался изучению естественных наук: физики, химии, геологии и минералогии. Он устраивает собственную лабораторию и производит целый ряд опытов, изучая явления электричества и света. Легенда говорит, что он первый показал практическую осуществимость газового освещения улиц и домов, устроив его—несомненно один из первых—в одном из своих домов.

Рикардо успел собрать богатейшую коллекцию минералов. В 1807 году он вместе с Гриноу и Филиппсом основывает существующее и теперь геологическое общество, к числу членов которого принадлежал его друг, Леонард Горнер, геолог, после фабричный инспектор, о котором с таким уважением отзывается Маркс [1]).

Но Рикардо интересовался не только естествознанием и математикой. Не менее усердно занимался он теологией и литературой. Известно, что он был усердным читателем Шекспира. Меньше всего он, повидимому, интересовался в это время политической экономией. Он как будто довольствовался своими практическими познаниями в этой области и не чувствовал никакой потребности проникнуть поглубже в смысл обычных для него и практически совершенно понятных явлений.

Биографы Рикардо объясняют это равнодушие очень просто: не было подходящего случая. Такой нашелся только в 1799 г., когда

---

[1]) Леонард Горнер, один из членов Комиссии 1833 г. для исследования состояния фабрик и фабричный инспектор, по существу цензор фабрик до 1859 г., оказал бессмертные услуги английскому рабочему классу. Всю свою жизнь он вел борьбу не только с озлобленными фабрикантами, но и с министрами, для которых было несравненно важнее считать „голоса" фабрикантов в Нижней палате, чем часы „рабочих рук на фабрике" („Капитал").

Рикардо поехал с своей больной женой на морские купанья в Бат. „Там, в доме своего друга,—пишет его французский биолог, Фонтейро, сидя за столом и обдумывая какой-то новый физический или химический опыт, он вдруг заметил на полке бессмертное творение Адама Смита. Точно молния осветила его ум", и Рикардо стал творцом новой политической экономии, как Ньютон—творцом современной механики, после того как яблоко упало к его ногам. С теми или иными вариациями эта легенда, несмотря на ее очевидную несообразность, повторяется всеми биографами Рикардо [1]).

Смит в то время был уже слишком хорошо известен, чтобы Рикардо мог натолкнуться на него таким случайным путем. Всего вероятнее, что крах 1797 г. и прекращение платежей английским банком, вызвавшие большое возбуждение в лондонском Сити, толкнули мысль Рикардо в том направлении, в котором он проявил весь свой гений.

„Биржа,—пишет Рикардо в 1814 году Синклеру,—главным образом обслуживается людьми, которые целиком поглощены своими делами и очень хорошо знакомы со всеми их деталями. Но среди них очень мало людей, которые знакомы с политической экономией, и они, поэтому, мало интересуются денежным вопросом, поскольку он является проблемой научного исследования. Непосредственными результатами текущих событий они интересуются гораздо больше, чем их отдаленными последствиями". Одним из таких исключений был Троуэр, тоже биржевик, друг Рикардо, который вел с ним оживленную переписку. В одном из своих писем к Троуэру Рикардо вспоминает, что они оба сошлись на общем поклонении Смиту и всякий свободный час, остававшийся от занятий на бирже, посвящали беседам на эту тему. И так же оживленно они обсуждали первые статьи по политической экономии, которые появились в „Эдинбургском Обозрении" [2]).

Вообще критики Рикардо, так охотно подчеркивающие, что он не получил никакого образования или получил очень скудное, забывают, что он был одним из тех, так часто встречающихся в Англии самоучек, которые „получили" очень скудное образование, но сумели „приобрести" очень основательные познания и „сделать в науку вклад", которому может позавидовать не один патентованный профессор. Такими самоучками были, между прочим, и будущие друзья Рикардо, банкир Грот, автор классической истории Греции, служащий в Ост-Индской Компании, Джемс Милль, известный экономист, психолог и историк, портной Френсис Плэс, фабрикант Оуэн и т. д. и т. д. Среди его коллег по бирже мы встречаем Бэли, известного астронома, после председателя астрономического общества, Стекса, поэта Гораса Смита, драматурга Слоуса и т. д.

Начало XIX века было временем сильного оживления в области теоретического изучения экономических явлений. В 1803 г. вышло первое большое издание „Опыта о народонаселении" Мальтуса, в 1804 г. „Государственное богатство" Лодердаля, в 1805 г. „Анналы торговли" Макферсона, в 1807—1808 г. „Британия—независимая от торговли" Спенса и ответ Милля „В защиту торговли". Из цитированного выше письма Рикардо мы уже знаем, что на него большое впе-

[1]) И Зибером, который рабски следует Мак-Куллоху в своем очерке жизни Рикардо.

[2]) Журнал этот, сыгравший крупную роль в истории английской литературы и публицистики, как орган нового более радикального течения среди вигов, был основан Джеффри, Френсисом Горнером и Сидней Смитом в 1802 г.

чатление произвели экономические статьи в „Эдинбургском Обозрений". Это были главным образом критические статьи Френсиса Горнера, сначала по банковым и денежным вопросам (критика Торнтона и Кинга), а затем по теоретическим вопросам (разбор политической экономии Канара). Литературное влияние Горнера дополнилось после личным влиянием, когда Рикардо вместе с ним выступал против неограниченного выпуска бумажных денег.

Так политическая экономия мало-по-малу становится любимым предметом занятий Рикардо. Дебаты по поводу чрезмерных выпусков ирландского банка, хлебный закон 1804 г. и влияние континентальной системы с 1806 г. должны были еще больше приковать его внимание. Тесная связь между биржей и правительством, живые сношения, поддерживаемые биржевыми дельцами с политическими деятелями различных направлений очень рано втянули Рикардо и в сферу политических интересов. Еще до 1809 г. мы находим его в списке членов „Короля клубов", основанного знаменитым юристом Мэкинтошем и состоявшего из представителей радикальной оппозиции.

Когда в 1809 г., в связи с повышением цены золота, был опять возбужден вопрос о привилегиях английского банка и его зависимости от правительства, он вполне естественно стал предметом оживленных дебатов и в этом клубе, влиятельными членами которого были председатель будущей комиссии о слитках, только что упомянутый нами Френсис Горнер, и один из главных ее членов, Шарп. В этой дискуссии принял деятельное участие и Рикардо, доказывавший, что главной причиной повышения цены золота на 20 процентов является ошибочная банковая политика. Понадобились, однако, очень настоятельные требования со стороны друзей и издателя газеты „Morning Chronicle", Перри, чтобы Рикардо решился изложить свои взгляды в специальной статье. Она появилась без всякой подписи, под названием „Цена золота" в номере от 29 августа 1809 г. Рикардо доказывал необходимость урегулировать денежное обращение путем ограничения эмиссионных полномочий английского банка. По его мнению, все зло являлось следствием чрезмерных выпусков банковых билетов, опасной привилегии английского банка, которая давала ему возможность, по своему произволу, уменьшать стоимость всякого имущества, заключающегося в деньгах, и повышать цены всех необходимых предметов потребления.

В этой статье нет ни одной ссылки на какие-нибудь „авторитеты", Рикардо оперирует только данными из собственного опыта: исследуя влияние повышения цены золота на вексельные курсы, он ссылается только на хорошо знакомый ему, по собственным операциям, вексельный курс Англии по отношению к Голландии.

Статья Рикардо вызвала сейчас же отклик. В полемике, между прочим, принял участие и Вильям Коббетт. В самой „Morning Chronicle" появился ответ, автор которого рекомендовал себя, в качестве „защитника банковых билетов", но не „банкового директора". Это был коллега Рикардо на лондонской бирже, Троуэр, с которым он после был связан самой тесной дружбой. В результате завязавшейся между ними полемики Рикардо написал еще два письма в редакцию „Morning Chronicle", которые показали детальное знакомство со всей литературой по данному вопросу [1]).

[1]) Впервые эти письма были опубликованы американским экономистом, Яковом Голландером, в изданной им серии экономических памфлетов. D. Ricardo, Three Letters on the Price of gold, Baltimore 1903.

Письма эти обратили на себя всеобщее внимание в немалой степени и потому, что Рикардо поставил узко-специальный вопрос о цене золота на политическую почву. Оппозиция против торийского правительства получила нового—и очень авторитетного—союзника в борьбе с произволом министерства финансов и бюджетной неурядицей.

Неожиданный для самого Рикардо успех его писем заставил его выпустить их в совершенно переработанном и значительно дополненном виде под названием „Высокая цена слитков, как доказательство обесценения банкнот". Этот памфлет в очень короткое время выдержал четыре издания. Рикардо принимает также деятельное, хотя и не гласное, участие в работах знаменитого Комитета о слитках, назначенного в 1810 г., и защищает принятые им резолюции—главные тезисы его памфлета—против многочисленных противников. В 1811 г. он опубликовывает свой „Ответ на практические замечания Бозанкета", обеспечивший торжество принципам, которые оппозиция защищала против правительства.

Связи Рикардо с литературным и научным миром расширяются еще больше. Его литературный дебют вызвал знакомство с Мальтусом, пользовавшимся тогда репутацией самого выдающегося английского экономиста. Между ними завязывается переписка, а затем и литературная полемика, в которых на каждом шагу проступает резкая разница между фанатическим защитником интересов аристократического землевладения, класса „непроизводительных потребителей", и защитником интересов „производительных классов".

III.

Апогей континентальной системы и могущества Наполеона, Отечественная война, походы 1813 г. и поражение Наполеона, война с Соединенными Штатами, Эльба и Ватерлоо, неурожаи и крахи в Англии, стихийные бунты рабочих против введения машин (движение леддитов)—все эти события последовательно приковывают внимание современников. „Долой лэндлордов"—в этом крике концентрируется негодование попавших в водоворот промышленной революции народных масс, когда поземельная аристократия хочет, в 1814 г., путем нового хлебного закона, закрепить надолго голодные цены на хлеб.

Смешно и вам, земельные дельцы,
Напившись крови, лаять на рубцы.
Ужель за вас платиться всей казне,
Понизить курс в убыток всей стране,
Опустошая банки и народ,
Лишь бы поднять упавший ваш доход.

Теоретический комментарий к этой филиппике Байрона написал Рикардо. Как раз в это время, в начале 1815 года, он выступает с новым памфлетом, на этот раз против лэндлордов. Это—„Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала", в котором он доказывает, что интересы лэндлордов противоположны интересам всего общества, что проектируемые хлебные законы явятся только крупной подачкой в пользу крупных землевладельцев. Попутно Рикардо развивает новую теорию ренты и намечает „закон экономического развития" буржуазного общества.

Если памфлеты против английского банка были написаны биржевиком и крупным акционером этого банка, то памфлет против лэндлордов был написан Рикардо, когда он сам уже стал крупным земле-

владельцем. В 1814 году он купил себе большое поместье, Гаткомб-Парк, в Глостершире. Политические и научные интересы все больше захватывают Рикардо, и он приступает к ликвидации своих биржевых дел, чтобы отдаться целиком научной и общественной деятельности.

После окончания анти-якобинской войны в 1815 году политическое положение коренным образом изменяется. Исчезает необходимость сосредоточивать все силы страны на борьбе с внешним врагом, которая оправдывала диктатуруториев. Все сильнее растет оппозиция против парламента лэндлордов. Стихийные бунты рабочих против машин сменяются организованным стачечным движением. Рабочий клас начинает упорную борьбу за свободу собраний и союзов. Революционные общества спенсеанцев[1]) распространяются и укрепляются все больше среди рабочих. Роберт Оуэн выступает со своим новым планом преобразования всего общества. Вилльям Коббетт, типичный представитель мелко-буржуазного радикализма, превращает свой орган в первую дешевую политическую газету, приобретающую громадную популярность. Гон, Карлейль и другие „неизвестные люди без положения" отстаивают бесстрашно свободу совести и печати. Движение в пользу парламентской реформы, организуемое и поддерживаемое целой сетью специальных клубов, все больше усиливается. Вооруженные демонстрации, столкновения с полицией, процессы Гона и Вулера следуют друг за другом. А правительство отвечает усиленными репрессиями: оно приостанавливает действие Habeas Corpus Act'a, производит массовые аресты, вешает десятки рабочих, развивает в самых широких размерах провокацию и возводит ее в систему, послужившую образцом для континента.

И, как всегда в таких случаях, рядом с более или менее „бестактными" борцами за свободу возникает умеренная партия, отстаивающая—без всяких эксцессов, с соблюдением „такта" и обычных „дипломатических" приемов и унижений—необходимые реформы в области политического, уголовного и гражданского законодательства. Эта партия „философских радикалов", в которую вошли крайние левые элементы вигов, завоевывает все бо́льшее влияние и служит ферментом, при помощи которого старые партии вигов иториев, определявшие своей борьбой всю политическую жизнь Англии XVIII и начала XIX столетия, превратились в современных консерваторов и либералов. Главными руководителями „философских радикалов" являются Бентам и Джемс Милль, основоположники английского утилитаризма. Их главными практиками являлись Фрэнсис Плэс, богатый портной, усвоивший у своих фешенебельных заказчиков „тонкое обращение" и умевший обрабатывать тех государственных „человечков", от которых „все зависит", парламентский деятель Джозеф Юм, лидер фритредеров Госкиссон и др.

С этой группой и сближается Рикардо, когда он убедился, что виги не в состоянии, да и не желают осуществить реформы, в которых, по его мнению, нуждалась страна. С Миллем он познакомился еще в 1811 г., а через его посредство и с Бентамом, но близко сошелся он только с первым. Если Джемс Милль был верным учеником Бентама в области политических и юридических вопросов, и в этом отношении мог оказать известное влияние на Рикардо, то в экономической области он, наоборот, являлся учеником Рикардо—и к неудоволь-

[1]) По имени Томаса Спенса, крайнего демократа и защитника национализации земли.

ствию Бентама—совершенно не разделял экономических теорий последнего. Поэтому известные слова Бентама—„я был духовным отцом Милля, а Милль был духовным отцом Рикардо; следовательно, Рикардо мой духовный внук"—можно принять только cum grano salis (с оговорками). Вместе с Миллем и Бентамом, Рикардо живо интересовался происходившим тогда спором между различными педагогическими системами (Белля и Ланкастера) и был одним из главных пайщиков хрестоматической школы, которая должна была быть устроена согласно плану Бентама.

В 1816 году, уступая настояниям Милля, Рикардо опубликовал свой „Проект экономического и прочного денежного обращения", а в начале 1817 года свой главный труд „Начала политической экономии", ставшие, по выражению историка английского утилитаризма, Лэсли Стефена, „экономической библией утилитаризма".

Последняя книга обеспечивает ему репутацию первого экономиста Англии.

IV.

Ликвидировав окончательно всякие связи с биржей в 1818 г., Рикардо выступает открыто на политическое поприще. Выбранный два раза под-ряд шерифом, он очень добросовестно выполняет свои новые обязанности. Есть известие, что, уже во время выборов 1818 г., среди его друзей возникла мысль о выставлении кандидатуры Рикардо. Джемс Милль, считавший присутствие своего друга в парламенте необходимым, особенно усердно приискивал ему место. Группа радикалов тогда имела в своем распоряжении несколько округов, из категории так наз. гнилых местечек, и старый приятель Рикардо, Шарп, уступил ему свое место. Выбранный от Порталингтона (Ирландия) в 1818 году, Шарп отказывается от места депутата и выставляет свою кандидатуру в Медстоне (неудачно). Рассказывают, что Рикардо никогда не видел своих избирателей, которых насчитывалось всего 12 человек. Рассказывают также, что Рикардо должен был в вознаграждение за выбор, ссудить лорду Порталингтону без процентов, но очень большую сумму. Кеннан утверждает, что Рикардо был выбран 20 февраля 1819 года, но первый раз его имя упоминается в парламентских отчетах только 2 марта 1823 г.

„Хотя Рикардо пробыл в парламенте только 4 года,—говорит Тойнби,—он, несмотря на это, произвел полную революцию во взглядах на экономические вопросы". На первых порах однако Рикардо чувствовал себя очень неловко в Палате Общин. „Я боюсь,—писал он Мак-Куллоху,—что принесу мало пользы. Два раза я пытался говорить, но сильно волновался при этом. И я боюсь, что никогда не справлюсь со страхом, который овладевает мной, когда я слышу звуки собственного голоса". Но он освоился с новой обстановкой гораздо скорее, чем ожидал. Уже 24 мая 1819 г., когда обсуждался вопрос о возобновлении платежей английским банком и со всех сторон раздавались крики, призывавшие Рикардо говорить, он произнес большую речь, которую и кончил при всеобщих аплодисментах.

С тех пор он принимает самое деятельное участие в работах комиссий и в парламентских прениях: в течение своей недолгой парламентской деятельности он произнес 126 речей и принимал участие в голосовании 237 раз. Рикардо не был крупным парламентским оратором, но даром устной речи он владел гораздо лучше, чем даром

письменного изложения. Отсутствие всякой позы и аффектации, простота и ясность изложения, богатство аргументов и глубокое знакомство с предметом, юмор и мягкий сарказм по адресу политических противников, искренность и прямота, с которой Рикардо всегда готов был признать свою ошибку—все эти качества сделали его очень влиятельным членом Палаты Общин, которого всегда слушали с напряженным вниманием.

Рикардо, конечно, выступал главным образом по вопросам экономическим и финансовым, в которых его научная репутация обеспечивала ему наибольший авторитет. Критика бюджета, вопросы денежного обращения, протекционизм промышленный и аграрный, колониальная политика, законы о бедных, законы против коалиций и т. д. и т. д.—во всех этих вопросах Рикардо проповедывал принципы свободной торговли, последовательно отстаивая общие интересы всего буржуазного общества против эгоистических вожделений той или иной части имущих классов. Как для промышленников, так и для лэндлордов он являлся ультра-радикалом и „мечтателем". Допуская податное обложение, как неизбежное зло, он настаивал на покрытии всех военных расходов не путем военных займов, а посредством налогов, и горячо отстаивал свой любимый проект погашения государственного долга путем однократного обложения имущих классов.

Но Рикардо не ограничивался только выступлениями по экономическим вопросам. Почти так же часто выступал он с политическими речами. Каждый раз, когда речь шла о защите политической свободы и религиозной терпимости, он протестовал самым энергичным образом против реакционной политики торийского правительства. На желание ввести в „разумные пределы" основные права политической свободы, он смотрел, как на „пустой фарс". По его мнению, всякие злоупотребления ими contra bonos mores (против хороших нравов) вполне уравновешиваются их необходимостью для полного осуществления принципов политической свободы.

Год его вступления в Палату Общин был годом, когда торийская реакция достигла своего апогея. Англия в 1819 г. представляла в своих верхах картину, которая вызывала страстное негодование лучших элементов. В стихах, облитых „горечью и злостью", бичевали Байрон и Шелли преступления тогдашней олигархии.

Король, старик, презренный и тупой,
Подонки расы отупело-праздной,
Обжоры принцы, грязь из лужи грязной,
Правители с пустою головой, -
К родной стране прильнул из них любой
Безжалостно, пиявкой безобразной.

Но это был и год большого революционного возбуждения, особенно в северной промышленной Англии. Колоссальная демонстрация в Манчестере, в августе 1819 г. кончилась знаменитой кровавой баней на Петровом поле, где регулярные войска одержали блестящую победу над безоружным народом (отсюда битва при Петерлоо в контраст битве при Ватерлоо).

Министерство приветствовало и наградило новых победителей. В Палату Общин оно внесло шесть актов, уничтожавших свободу собраний, демонстраций, печати и вводивших фактически военное положение. Рикардо принадлежал к тому меньшинству, которое голосовало против этих мер.

„Я смотрю на них,—писал Рикардо своему более консервативному другу, Троуэру,—как на серьезное нарушение наших свобод, и отвергаю их, потому что, по моему мнению, они не только не устранят причины недовольства, но, наоборот, усилят его. Народ жалуется, что он не имеет должного влияния на образование правительства, а его лишают и того, что он уже в действительности имел". „Конечно,—пишет он в другом письме,—право собраний может сопровождаться иногда серьезными неудобствами, но я не думаю, чтобы с ними можно было бороться, как вы это предлагаете, не превращая этого права в простой нуль. Правительство свободно лишь постольку, поскольку народ может свергнуть его. И какие гарантии свободы имелись бы, если бы дозволены были только приходские собрания... Страх перед восстанием, страх перед народом, соединяющимся для общего действия, представляет наиболее крупную сдержку для всяких правительств".

Рикардо оказался прав. Революционное возбуждение продолжало расти. В 1820 г. раскрыт был заговор Тестльвуда. Фабричные рабочие вооружались и готовились к восстанию. В Шотландии дело опять дошло до побоища, но в новом сражении при Боннимюир (около Глазго) рабочие оказали солдатам отчаянное сопротивление. Дело закончилось новыми виселицами.

В том же 1820 г. правительство имело случай убедиться, до какой степени дошло оппозиционное настроение широких масс. После смерти Георга III на престол взошел сын его, Георг IV, одно из самых отвратительных существ, когда-либо сидевших на английском троне. По его настоянию, правительство лордов Ливерпуля и Аддингтона возбудило против жены его Каролины, добродушной дамы легкого поведения, процесс о разводе, для чего был состряпан специальный билль. При этом раскрылась такая картина грязи и мерзости запустения при дворе и около двора, что, как пишут уже теперь и в английских университетских учебниках, правительство „through fear of revolution" (из страха пред революцией) вынуждено было отказаться от своего билля. В сравнении с „веселой кумушкой" коронованный Фальстаф и его прихвостни оказались такой преступной и развратной бандой, что приходилось только удивляться, как суды, вешавшие еще тогда несчастных людей за кражу яблока, могли закрывать глаза на все эти гнусности.

Рикардо горячо отстаивал реформу варварского английского законодательства и был противником смертной казни, которой тогда по закону наказывались более 200 преступлений, в том числе и кражи в размере 5 шиллингов в лавке и 40—в доме [1])!

В области парламентской реформы Рикардо высказывался за трехлетний законодательный период для Палаты Общин, за расширение избирательного права на всех квартиронанимателей, как переходную меру ко всеобщему избирательному праву, и тайное голосование. Он очень остроумно высмеивал „богатых алармистов, напуганных французской революцией, для которых демократические свободы тожественны с нападением на их собственность". Он говорил, что „монархия и олигархия боятся только общественного мнения и силы народа", что, „только вызывая страх у тех, что сидят внутри палаты, народ оказывает воздействие на правительство".

Рикардо подвергает тщательному анализу все доводы противников парламентской реформы. „Расширяя избирательное право—так

[1]) С 1817 по 1825 год приговорены были к смерти 10.326 человек, но казнено только (!) 791.

формулирует он один из главных аргументов—вы открываете двери анархии, ибо главная масса народа заинтересована или полагает, что заинтересована в равном распределении имуществ и выбирала бы только таких демагогов, которые поддерживают в народных массах надежду, что такой раздел действительно совершится". И он решительно отвергает этот аргумент, пока ему не будет доказано, что страна действительно преуспевает при существующей политической организации.

„Для чего мы ввели в употребление паровые машины? Можно было бы доказать, что наши мануфактуры процветали и без них. Почему бы не удовлетвориться тем, что было достаточно хорошо? Но нет ничего, что было бы достаточно хорошо, если мы можем достигнуть лучшего. Это ложное мнение, которое могут защищать только невежды или нежелающие понять[1]) и которое уже не может ввести нас в заблуждение. Далее, что значит безупречная нравственность и хорошее образование тех, кто выбирает палату общин? Скажите мне, в чем состоят их интересы, и я скажу Вам, какие меры они будут защищать".

Рикардо, как мы видим, знал уже прекрасно, что мнения людей определяются их интересами. Но он знал также, что, при известных условиях, люди бывают вынуждены высказывать мнения, не соответствующие их интересам. Именно поэтому он является таким убежденным и горячим защитником тайного голосования.

„Говорить человеку, что он может подать голос за А или Б, когда вы знаете, что он находится в такой зависимости от А или друзей А, при которой голосование за Б повело бы его к разорению, значит издеваться над ним самым жестоким образом". Характерно, что Рикардо защищает тайное голосование не в силу принципиальных соображений и подчеркивает, что сами по себе тайное или явное голосования оба одинаково безразличны: все зависит от условий времени и места, делающих в одном случае более целесообразным тайное, в другом—явное голосование[2]).

Более близкое знакомство с лидерами различных политических партий в Палате Общин заставило Рикардо, резко выступавшего против господствующей партии, порвать также и с официальной оппозицией его величества, с вигами.

„Хотя я далеко не могу согласиться со всеми взглядами Коббета, но я уже давно убедился—пишет он Мак Куллоху,—что гарантии хорошего правительства лежат в самих учреждениях и в тех силах, под влиянием которых действуют управляющие нами, а не в большей или меньшей добродетели наших правителей. Поведение двух различных групп людей, воспитанных почти одинаковым образом, действующих в силу одинаковых задержек и имеющих одинаковые цели, поскольку речь идет об их личных интересах, не может быть существенно различным".

Это материалистическое объяснение политики вигов, которые принадлежали, как и тори, по своему социальному происхождению,

[1]) „Трудно найти достаточно ясные аргументы для тех, кто ничего не смыслит в данном предмете или пропитаны предрассудками, которых они упорно придерживаются". Из письма Рикардо по поводу его парламентской работы (писано 9-го мая 1822 г.).

[2]) Известно, что это требование, выставленное после и чартистами, из года в год вносилось другом Рикардо, Гротом, пока в 1872 году стало законом.

к той же английской земельной аристократии, и зачастую более родовитой. Рикардо подкрепляет указанием и на другое обстоятельство, которое мешало вигам серьезно заняться вопросом о парламентской реформе.

„Лорд Грей [1]), Лорд Голланд и многие другие виги недавно на митингах говорили кое-что о реформе представительства, но я боюсь, что, если они станут у власти, они вряд ли предложат или проведут такую реформу, которая удовлетворила бы истинных друзей свободы. Партия вигов владеет сама большим количеством гнилых местечек, но с чем они менее всего захотят расстаться, так это с тем влиянием, которым они пользуются над избирателями, как крупные землевладельцы или просто капиталисты. Они не согласятся предоставить реальный и свободный выбор народу или той его части, интересы которой тождественны с интересами целого".

Мы видим, что Рикардо, который поставил впервые в самой отчетливой форме вопрос о классовой структуре капиталистического общества, прекрасно понимал, что и групповые, классовые мнения определяются групповыми классовыми интересами. Но он приближался к материалистам и в другой области.

Хорошо знакомый с теологической и философской литературой, Рикардо особенно охотно принимает участие в прениях по вопросу о свободе мнения. Его в этой области еще меньше пугают всякие „крайности", чем в области политической. Так он горячо отстаивает право атеистов излагать публично свои взгляды, и одна из его лучших речей в Палате Общин посвящена блестящей защите полной, ничем не ограниченной, свободы совести и свободы печати.

В 1823 году в Палату Общин внесена была петиция об освобождении из тюрьмы одного из самых неукротимых радикалов того времени, Ричарда Карлиля и его жены. Сын сапожника и сам по ремеслу жестяник, он становится последователем Томаса Пэна—теоретика народовластия и критика библии. С тех пор Карлиль посвящает свою жизнь печатной пропаганде республиканских и анти-религиозных идей. Он и его жена печатают и распространяют, не останавливаясь ни перед какими жертвами и преследованиями, различные памфлеты и периодические издания. В 1819 году за статью в издаваемом им журнале „Республиканец" Карлиль был приговорен к трем годам тюрьмы и большому денежному штрафу. В 1821 году жена его Анна, продолжавшая издание „Республиканца", была в свою очередь арестована и осуждена на два года тюремного заключения. Когда Карлиль отсидел свои три года, он отказался платить наложенный на него штраф и остался в тюрьме.

В своей речи Рикардо, к великому негодованию всех ханжей и лицемеров в Палате Общин и вне ее, доказывает, что можно отрицать присягу и религию и в то же время быть верным и беззаветным служителем общества.

„Лично я твердо верю в то, что человек может очень честно относиться ко всем общественным делам, ко всем обязанностям, налагаемым на него обществом, членом которого он является, и не верить в будущую жизнь. Я вполне признаю, что религия представляет силь-

[1]) Автор „Великой" избирательной реформы 1832 года, вырванной, несмотря на ее жалкие размеры, у английской олигархии только в результате июльской революции и ряда революционных выступлений английского рабочего класса. Виги, во главе с Греем, играли при этом самую предательскую роль.

нейший источник обязательств, но я отрицаю, что она единственный источник".

В виде примера Рикардо ссылается на Оуэна, который тогда уже окончательно испортил свою репутацию, объявив войну частной собственности, семье и религии [1]).

„Вот, наприм., Оуэн из Ланарка. Он оказал великие благодеяния обществу, но, судя по некоторым его взглядам, не верит в будущую жизнь. Что станет утверждать, видя разительное доказательство противного, что религиозный скептицизм сделал Оуэна менее нравственным? Неужели человек, претендующий на честность и прямоту, может сказать, что у Оуэна, посвятившего всю свою жизнь заботам о других, была бы более чистая душа и искреннее сердце, что Оуэн больше сознавал бы необходимость нравственных ограничений и нравственного контроля, если бы он был больше проникнут предписаниями религии? Почему же такому человеку отказывать в доверии (а закон это делает)? Почему же такого человека за опубликование его взглядов подвергать заключению в тюрьме?" [2]).

Рикардо прекрасно понимал связь, которая существовала между „безбожием" Оуэна и всем его миросозерцанием.

„Оуэн полагает,—говорит он в той же речи,—что характер человека создается не им самим, а окружающей средой, и если кто-нибудь совершает то, что люди называют порочным поступком, то в этом нужно видеть несчастье и постигнутый им человек не может служить объектом наказания. Этот взгляд составляет часть учения Оуэна, а человек, который держится такого взгляда, не может приписывать Всемогущему существу стремления наказывать тех, кто, по этой теории, не ответственен за свои поступки".

Но и вне стен парламента Рикардо развивает очень энергичную работу. Он выступает на митингах и собраниях, отстаивая свои новые политические и экономические взгляды. Так на митинге, происходившем в Free mason's Hall, 26 июня 1819 года, он был выбран членом комитета для рассмотрения плана Оуэна. Как видно не только из парламентских речей, но в особенности из его переписки с Троуэром Мак-Куллохом, он с этого времени все больше сближается с крайней оппозицией и становится—к вящшему неудовольствию своих друзей-утилитаристов—все более радикальным в социально-экономических вопросах. Он все лучше отзывается об Оуэне и все мягче относится к Коббету, который еще в 1814 году честил Рикардо „крещеным жидом" и „биржевиком".

Изменив свои взгляды по вопросу о влиянии машин на положение рабочего класса—в значительной степени под влиянием Оуэна,—Рикардо, в 3-ем издании „Начал политической экономии", честно и открыто, несмотря на протесты таких своих учеников, как Мак-Куллох, являет о своей ошибке и затем уже в парламентских речах защищает „предрассудки рабочего класса против машин".

Когда по инициативе известного экономиста, автора классической теории цен, Томаса Тука и самого Рикардо, был основан в 1821 году клуб экономистов, оказывавший большое влияние на направление экономической политики, Рикардо, кроме вопросов, связанных с теорией

[1]) Вопросу об отношениях между Оуэном и Рикардо я посвятил особую статью. „Оуэн и Рикардо", „Под знаменем марксизма", апрель 1922.

[2]) Hansard, Newseries Vol. IX с. 1386. Заседание Палаты Общин 1 июля 1823 г.

стоимости, особенно настойчиво возбуждал вопрос о влиянии маш на положение рабочего класса.

В вопросе о свободе коалиций, который стоял в порядке дня 1821—1824 г.г., Рикардо занимал также особую позицию. Против Мал туса он доказывал, что объединение рабочих может увеличить сум денег, которая делится между рабочими. Он высказывался за отме закона против коалиции. Хотя он не занимался специально изучени соответствующего законодательства, он считал несправедливыми стеснительными для рабочих законы против коалиции. И тут он, ве ный своей основной точке зрения, считал лучшим решением полну свободу коалиций [1]).

Напряженная деятельность в Палате Общин надорвала силы Р кардо, который никогда не отличался крепким здоровьем. Хотя он 1822 г. совершил для отдыха путешествие на континент—он посети Голландию, Рейнскую провинцию, Франкфурт, Швейцарию и северну Италию, Лион и Париж—Рикардо все же едва справлялся с утомител ной работой в различного рода комиссиях. В сессию 4 февраля-19 июля 1822 года он выступает около 40 раз.

В разгар этой политической и научной работы—Рикардо работа тогда над „планом учреждения национального банка"—он простудилс и его старая болезнь в ухе, несмотря на прокол образовавшегося на рыва, кончилась воспалением мозга. После нескольких дней мучител ной агонии Рикардо скончался на 52 году, т.-е. на английский ма штаб в полном расцвете умственных сил, 11 сентября 1823 года.

„Рикардо пришлось самому составить себе состояние, он долже был сам воспитать свой ум и сам руководил своим образованием,— так писал в „Morning Chronicle" сейчас же после смерти Рикардо самый близкий друг его Джемс Милль.—Он дал много доказательств что он интересовался не только политической экономией, но и наукой политики в самом широком смысле этого слова. Вспомним только ег отчетливое изложение основ хорошего правительства, его бесстрашну и достопамятную декларацию в защиту неограниченной свободы мысл и свободы речи в области религиозных вопросов, энергию и настой чивость, с которой он защищал свои взгляды на эти предметы". И эту же готовность выступить на защиту „великих интересов свобод или религиозной терпимости"—отмечает Де Квинси [2]), когда он, сей час же после смерти Рикардо, указал на его крупные научные заслуги

В частной жизни Рикардо еще меньше являлся „ходячим тракта том", сухим человеком, как его обыкновенно изображают. Это так же верно, как и то, что Маркс был „сухим и жестоким, как силлогизм" Энергичный, порывистый в своих движениях, он отличался добродуш шием и отсутствием какой либо претенциозности. Прекрасный семьянин боготворимый своими детьми, он любил повеселиться и повеселить других. И с таким же увлечением, с каким он занимался сериозными делами, он в кругу своих близких отдавался в свободные часы всяким играм и так же хорошо пел петухом, как и пародировал своих зна-

[1] Letters of D. Ricardo to J. R. Mac-Culloch, c. 87—88.

[2]) Характерно, что этот автор, один из самых блестящих английских писателей, был горячим поклонником и популяризатором Рикардо и в то же время прекрасным знатоком немецкой философии и литературы. Задолго до Томаса Карлейля он является посредником между английской и немецкой мыслью, соединяя в себе качества выдающегося экономиста и философа. В этом отношении очень интересно сравнение его взглядов на философию Канта с аналогичными взглядами, которые Гейне развивает в своих очерках истории немецкой мысли.

омых. Известная английская писательница, Мэри Эджеворт, оставила ам яркое описание частной жизни Рикардо, которое показывает, как алеки от истины ложно-классические, выдержанные в строгом „бир-евом" духе и подчеркивающие его сухость биографические экскурсии скучноватых и сыроватых немецких и русских историков политической экономии.

Прекрасный и живой собеседник, он очень любил общество и хотно принимал участие во всяких спорах. Восторженный поклонник Іекспира, он внимательно следит за современной поэзией и жалеет, го парламентская работа оставляет ему слишком мало времени, чтобы ейчас же прочитать новую повесть Вальтер Скотта. „Возможность видеть в здешнем соборе „Снятие с креста" Рубенса,—пишет он Троуэру з Антверпена,—одна уже может вознаградить за все неудобства путешествия сюда из Лондона".

Как и младший его современник, Монтефиоре, он был, вопреки тверждениям некоторых его „христианских" противников, большим илантропом и скуповатый, поскольку речь шла о ненужных тратах, хотно давал деньги на различные благотворительные и просветительные учреждения.

„Есть экономисты фаталисты,—пишет Маркс в „Нищете философии",—которые так же индифферентны в своей теории к тому, что ни называют неудобствами буржуазного производства, как сами буржуа ечувствительны на практике к страданиям пролетариев, с помощью оторых они приобретают свои богатства. Эта фаталистическая школа меет своих классиков и своих романтиков. Классики—как, напр., Адам мит и Рикардо - являются представителями того периода развития уржуазии, когда она, находясь еще в борьбе с остатками феодального бщества, стремилась лишь очистить экономические отношения от этих еодальных пятен, развить производительные силы, придать новый змах промышленности и торговле... В их глазах нищета является лишь болезнью, сопровождающею всякое рождение как в природе, ак и в промышленности".

Эта характеристика верна по отношению к Рикардо до 1819 года. о этого времени и пролетариат, говоря словами Маркса, принимавший участие в борьбе с остатками феодального общества, сам смотрел а свои бедствия в этом периоде как на преходящие, только случайые. С 1819 года, после кровавой бани в Манчестере, начинается новая ноха в борьбе английского пролетариата. Одновременно наступает и ноха перелома в умственном развитии Рикардо. Она уже нашла свое ражение в 3-м издании „Начал политической экономии", вышедшем 1821 году, но еще больше в его переписке и парламентских речах экономические темы. Преждевременная смерть застигла Рикардо, к мы увидим в следующей статье, в тот самый момент, когда он же начал приходить к мысли, что отношения производства, в пределах оторых совершается развитие буржуазии, далеко не отличаются единообразием и простотой, что разви ие производительных сил в этих ношениях сопровождается ненужными страданиями, которых можно ло бы избежать при других условиях, что нищета в этом обществе ляется не преходящим явлением, а, наоборот, что при тех же ношениях, при которых производится богатство буржуазии, оизводится и нищета пролетариата.